

Когда утюг бессилён...

Как-то раз мне выпал случай убедиться в могуществе современной химии. Дело было на западе Украины, но это не имеет особого значения, так как происходили события в СССР. В конце восьмидесятых годов суматошного двадцатого века я проходил действительную военную службу в Пограничных войсках КГБ СССР. В описываемый момент учился военному делу самым что ни на есть настоящим образом — в сержантской школе. Контингент у нас там был не то чтобы очень уж отборный, но очков, например, никто не носил. Да и в дверь многие бойцы проходили с трудом. Не потому, что двери в учебном пограничном отряде были какие-то нестандартно маленькие, а просто воины были крупнее, чем в среднем по стране. Я со своими метр восемьдесят два был в отделении предпоследним по росту — потому что нашёлся пограничник ещё ниже меня (на целый сантиметр). А впереди, на целую голову возвышаясь над самыми рослыми из своих товарищей, подобно пожарной каланче над уездным городом N, маячил уроженец Кемерово Дима Яненко.

Ввиду выдающихся габаритов ни одежда, ни обувь со склада нашей части на Диму категорически не налезали. Обули его на учебном пункте в первые дни службы в сапоги, которые пришлось везти из Киева - со склада Краснознамённого Западного пограничного округа. Одели - с аналогичными церемониями. И надо же было нашему богатырю испачкать свои особо крупные штаны! И надо же было командиру отделения подсунуть Диме бутылку того самого растворителя!

Но, однако, надо изложить всё по порядку. В войсковой части всё должно блестеть, сверкать и вообще находится в полном порядке. Тем более, если часть учебная и образцово-показательная. Кроме того, среди офицеров и прапорщиков наших доблестных Вооружённых Сил весьма популярен тезис, который гласит: “Солдат без работы — преступник!”. Короче говоря, в свободное от стрельбы, еды, сна и физкультурных мероприятий время мы обычно занимались разного рода хозяйственной работой. И частенько пачкались во время этой работы, иногда — сильно. И вот Диме однажды не повезло — он втаскался во что-то такое, что упорно не хотело до конца отстирываться с одной из его брючин. Парень вполне добросовестно старался — но никак.

И тут Диме улыбнулось счастье, на поверку оказавшееся невезением. Явилось оно, родимое, в облике командира отделения, который сунул своему подопечному бутылку с растворителем и что-то пробурчал насчёт своей чрезмерной заботливости и доброты. Растворитель, названия которого история, увы, не сохранила, оказался потрясающе эффективен — штаны после стирки с использованием сего чудо-средства обрели поистине первозданную чистоту. Дима выкрутил их своими могучими ручищами, натянул запасные портки (которые ему доставали чуть ниже колен) и повесил сушиться свежестырянные галифе на верёвку.

А вот когда пришла очередь глажки, тут-то и выяснилось, что неожиданная удача (она же чудо-растворитель) на самом деле и не совсем удача. Настолько не совсем удача, что просто, прямо-таки скажем, **КРУПНОЕ НЕВЕЗЕНИЕ**. Штаны категорически отказывались гладиться!!! На каком из наших оборонных заводов был выпущен тот растворитель, теперь выяснить трудно. Но он произвёл в ткани какие-то необратимые изменения, после которых изрядно помятая ткань стала полностью равнодушна к утюгу. Не помогло ни лёгкое spraysивание водой, ни полное намачивание в онай. Сделать свои штаны чистыми Дима сделал, а вот погладить, увы,

не смог.

Бойцов в помятых штанах в армии не особо жалуют. Но особенно печальна их участь в сержантских школах, этих сугубо уставных заведениях. Настолько печальна, что помятый боец может успеть пройти, не попав под тяжкий молох репрессий, метров сто пятьдесят, от силы двести. И это, надо отметить, в ночное время. В светлое время суток максимально возможные рубежи беспрепятственного продвижения помятых личностей выражаются куда менее скромными цифрами. Реально можно рассчитывать на стремительную перебежку между бытовой комнатой и туалетом — если повезёт. Более длинные дистанции — малодоступны даже для самых быстроногих. Но армия существует не только для того, чтобы воины бегали из бытовки в туалет и обратно. И поэтому в ней не избежать, например, построений. В результате которых начальственное око неизбежно привлекается к тому, кто стоит в первом ряду. А если боец ещё и на голову выше всех остальных — внимания руководства ему не миновать в принципе.

В результате этого началась у Дмитрия развесёлая жизнь. Ещё до первого построения он получил от командира отделения приказ “немедленно это погладить” и обещания свирепых санкций в случае недостаточно шустрого выполнения. Приказ не был выполнен, но, в качестве компенсации, расшвирипевший сержант получил возможность лично убедиться, что разгладить сие чудо в принципе невозможно. Это, а также тот факт, что он сам и подсунул Диме злосчастный растворитель, смягчило его гнев, и в результате было дано разрешение встать в строй в помятых штанах.

Однако, это был только первый тайм. В первые же секунды после начала построения у Димы начались проблемы по партийной линии — он получил по мозгам от замполита. Точнее, по мозгам в основном получил командир отделения — после того, как попытался вступить за своего подчинённого. Кончился второй тайм тем, что димины штаны погладил (точнее, попытался это сделать) кадровый военный, офицер - целый старший лейтенант. Между прочим, сын героя-пограничника, сражавшегося с китайскими агрессорами на острове Даманский.

На следующий день при утреннем построении огребли по полной программе и Дима, и сержант, и вступившийся было за них замполит. Закончился третий этап трагедии тем, что штаны рядового Яненко гладил уже начальник учебной заставы майор Курбанов. Но объективная реальность, в ощущениях нам данная, она потому и называется объективной, что не зависит от того, кто гладит неглядящиеся штаны, рядовой или маршал. Штаны по прежнему продолжали пребывать в изящно-помятом виде.

После этого у Димы было несколько относительно спокойных дней — его засунули сначала в один наряд, потом в другой. Да и он постоянно совершенствовал своё мастерство маскировки на местности — разного рода начальство Дмитрий с высоты своего немаленького роста или замечал издали и обходил дальней дорогой, или делал вид, что мчится бегом выполнять срочное поручение, что снижало вероятность обнаружения недопустимой помятости.

Но как ни крути, как ни снижай вероятность нежелательного, она всё равно остаётся ненулевой, хоть разбейся. И Дима хоть и редко, но налетал на неприятности. Сержантских школ в составе нашего отряда было несколько, а в каждой школе несколько учебных застав. Плюс командированные офицеры из других частей не редкость, плюс ещё практически весь сержантский состав части (а это уже примерно каждый двенадцатый). Разборки на тему “А почему это у вы, боец, разгуливаете в таком виде?” имели место не реже двух-трёх раз в неделю. Заканчивались они, как

правило, на нашем майоре, которому очень быстро надоело давать офицерско-прапорщицкой общественности справки про димины штаны. И в результате появился на свет замечательный документ. Который, к сожалению, не попал (да и не попадёт уже, увы) в Музей Вооружённых Сил.

Этот документ был отпечатан на пишущей машинке (принтеры тогда ещё в моду не вошли) на обычном листке бумаги и гласил следующее: “Настоящим подтверждается, что штаны рядового Яненко действительно не могут быть поглажены никакими имеющимися средствами. В нынешнее состояние приведены в результате стирки растворителем неизвестного состава. Ввиду отсутствия на складе в/ч обмундирования необходимого размера рядовому Яненко предписывается носить вышеупомянутое обмундирование до того, момента, когда оно будет заменено на новое обмундирование надлежащего размера. Число, подпись”. Печати не было, но, кроме подписи начальника нашей учебной заставы, бумага была украшена даже визой начальника штаба!

После того, как сей чудный документ занял почётное место под стеклом на столе у дежурного по штабу, у всех, кроме Димы, наступила более-менее спокойная жизнь. Да и Диме, в принципе, грех было жаловаться — он получил мощный рычаг воздействия на всех, кто был недоволен его штанами. Получив замечание, Дмитрий без лишних церемоний вёл недовольного в штаб и знакомил его с бережно хранящимся под стеклом у дежурного документом. На чём инцидент, собственно, и исчерпывался. Получив мощную законодательную поддержку, Дима за две-три недели успел сводить в штаб едва ли не четверть офицеров нашей части. Что и неудивительно — осмелевший боец теперь без лишних церемоний пёр навстречу любому начальству. Что касается остальных трёх четвертей офицерского состава, то им вполне хватило разлетевшейся по отряду вести, что есть такой очень-здоровый-боец-которому-разрешили-ходить-в-мятых-штанах. Из сержантов в штаб было отведено человека три-четыре, из прапорщиков — только один. Кстати, хороший повод поразмыслить на тему: кто больше склонен доверять коллегам? А кто страдает излишней недоверчивостью? Но это так, к слову.

Продолжались все эти события примерно полтора месяца, после чего Дима получил новые штаны, а его командир отделения — строгое предписание не использовать впредь при проведении хозяйственно-бытовых работ непроверенные химикаты. В принципе, всё закончилось благополучно, но две вещи никак не дают мне покоя. Первая — мысль о судьбе замечательного документа, покоившегося некогда под стеклом в штабе. Неужели его выбросили? А если нет, то где он сейчас? Ну, и вторая... Что же это был, чёрт его побери, за чудо-растворитель?